

Александр Бирштейн

Канавы

Как вам название? Я его только что придумал, собираясь написать о когда-то самом опасном районе города. Что же это за место такое, достойное названия, странное и, как по мне, страшноватое. Не страшное, нет, а именно страшноватое. Расскажу.

Канавой прозвали балку от нынешней улицы Еврейской до Таможенной площади. В советское время Канаву звали спуском Вакуленчука, ныне Деволановский спуск. Деволан – потрясающий строитель и организатор, один из основателей Одессы – ужаснулся бы, глянув на то добро, которое назвали в его честь. В принципе, Канавы – одна из старейших улиц Одессы. Кстати, ее первой начали мостить кубиками из лавы, привезенными из Италии. Сюда, в Одессу, итальянские суда в качестве балласта везли лаву, отсюда – пшеницу. Дома на Канаве возникли в начале XIX века. Жила в них беднота. Так и простояли без обновления и ремонта до нынешних дней. Простояли? Как бы не так. Рушатся. Один из них рухнул уже в 2020 году. На этот дом можно было смотреть со Строгановского моста. Дом в типично одесском дворике: обшарпанные флигеля, белье на веревках, домино по вечерам. Когда-то с большого Строгановского моста маленький мостик вел в детскую поликлинику. Меня водили туда к старой старухе, доброму доктору Френкель...

Еще не было на Канаве нынешних разрушений, бомжей и мусора, еще работал завод радиодеталей. Но были, жили там канавские ребята, злые и опасные. Они царили на бац-майдане в парке Шевченко, в школе в переулке Нахимова, на Таможенной площади... По двое-трое поднимались «в город» по Ланжероновскому спуску или по лестнице мертвых.

На углу Ланжероновского спуска и Канавы была ночлежка, или баржан, где какое-то время проживали Александр Грин и Максим Горький. В ночлежке было холодно и сыро, Грин болел и в конце концов перебрался к теплу, в Крым. А Горький именно тут нашел прототип своего Челкаша.

Ланжероновский спуск вел на улицу Ланжероновскую – тогда Ласточкина, к оперному, Пале-Роялю...

А лестница мертвых поднималась до Дерibasовской. Лестница мертвых... Что за название? Это вымощенное старинной лавой и обрамленное камнем-дикарем сооружение довольно привлекательно, но носит, увы, весьма мрачное название. Старожилы поговаривали, будто еще в середине XIX века в Одессе прошел судебный процесс, поразивший горожан ужасающими подробностями. А началось все с того, что неожиданно стали бесследно исчезать лица мужского пола. Преимущественно матросы посещавших Одессу многочисленных торговых судов. Волею случая все прояснилось. Однажды какая-то женщина, купившая на базаре пирожок, неожиданно в его начинке обнаружила косточку человеческого пальца с ногтем. Вызванные полицейские задержали торговку. Та оказалась промышленявшей среди матросов проституткой.

Жила совсем близко как от порта, так и от той злополучной лестницы. Предоставив клиенту услугу, она его умерщвляла и либо превращала в фарш для пирожков, либо выбрасывала из окна на газон возле упомянутой нами лестницы и там закапывала. На месте злодеяний полицейскими тогда были обнаружены тела более чем двадцати жертв Розы, как звали ту повешенную вскоре жрицу любви. Я уже писал об этом в книге «По улицам моим».

Над Канавой построены три моста: Новиковский, Коцебу и Строгановский. Гулять вечером от Еврейской до Новиковского моста было практически безопасно. Кстати, в начале моста прямо над Канавой стоит дом, где я родился и долго жил. От Новиковского до моста Коцебу тоже можно было гулять, впрочем, рискуя зацепиться с алконавтами – пирующими, дерущимися, оправляющимися под мостом Коцебу. А вот дальше была запретная зона. Никто из жителей других районов не рисковал совершать экскурсии или прогулки по этому району в вечернее время. Так что местные ребята единолично доили иностранных моряков, выходящих вечером в город. В основном это были греки да инду-

сы. Но их было много, и они обладали такими благами цивилизации, как нейлоновые носки и шариковые ручки. Да еще, конечно, американские сигареты и жевательная резинка. Они выходили из ворот Торгового порта, числящегося по адресу Таможенная площадь, № 1, и шли добывать радиотовары, утюги и девочек.

Девочки там есть и сейчас. Вернее, были. Биржу путан разогнали совсем недавно. Барышни переместились к мосту у морвокзала – это неподалеку.

Правили бал на Канаве ребята со странными кличками: Бонзик, Сиха, Димон... Кстати, семья Димона с Канавы перебралась в наш двор. Мы были с ним ровесниками и не то что бы подружались, но по крайней мере приятельски общались.

А еще тут снимались фильмы, и немало: «Броненосец «Потемкин», «Белеет парус одинокий», «Мексиканец», «Борец и клоун», «За власть советов». В последнем фильме и я поучаствовал – правда, только фуражкой. Мал был, все остальное в кадр не поместилось. А шел я в первом ряду толпы одесситов, зачем-то шедшей вслед за эсэсовцами, которые вели к воротам радиозавода пленных подпольщиков.

Канавы и проходящий рядом спуск Кангуна вели на Таможенную площадь. О, площадь эта имела тьму названий! Судите сами.

Карантинная – с 22.12.1828;

Платоновская – с 14.03.1831;

Таможенная – 1835-1918, но в этот период еще и Портовая (1.10.1860-25.06.1868), и Приморская (14.07.1888);

Таможенная – январь 1958;

Вакуленчука – 25.12.1958.

Впрочем, вскоре площадь опять переименовали.

Деволановская – 1959;

Таможенная – со 2.06.1995.

На площадь вели несколько спусков: Карантинный – от Канатной (кстати, в № 1 был самый первый публичный дом в Одессе, сейчас он жилой...). Еще Польский спуск с улицы Польской, бывшей Кангуна, а также Ланжероновский спуск с Порт-клубом посередине.

Ночные бабочки выпархивали на площадь, едва начинало темнеть. Вскоре появлялись и «энтомологи» с давно заученным текстом:

– Синьорина! Фоки-фоки чап-чап!

Встречи были недолгие, но дружественные. Они проходили под девизом: «Сделал дело – слезай с тела».

Девочки работали ударно и добросовестно. Как в песне: «... дорогу грудью проложим себе...». А моряки разбрелись по городу в поисках промтоваров.

Это было когда-то... А сейчас?

Жители Канавы называют свой район уже не Канавой, а Ямайкой.

– От слова *яма*! – говорят.

Завод не работает, разруха страшная. После завода тут был ночной клуб «Амстердам», сюда съезжались многочисленные бумеры, мерины и прочие «тойоты», привозившие коренастых стриженных ребят в малиновых пиджаках и их очень длинноногих барышень. На эстраде плясали несовершеннолетние девочки, под потолком плавала лодка с умело раздетыми сеятельницами, бросавшими розовые лепестки на публику. Веселуха! Тут очень любила милиция устраивать облавы – всегда что-то перепало. Но и это закончилось. Теперь здесь развалины...

«Вид Деволановского спуска, который может понаблюдать любой прохожий, откровенно говоря, нагнетает тоску. Причем в нескольких кварталах от ущербной улицы – такие ключевые объекты города, как порт, улицы Греческая и Дерибасовская» (газета «Сегодня» от 30 марта 2010 г.). Ямы, гниющий мусор, остовы сгоревших автомобилей, бездарное граффити – вот что такое Канава сейчас. А еще разрушенное жилье, бомжи, крысы, грязь... Короче, зона!

Как ни странно, зона привлекает туристов. Ходят, фотографируют... Что-то появляется в Интернете.

– И это Одесса? – спрашивают увидевшие.

– И это Одесса? – хочу спросить и я.

